

М. А. АБРАМОВ

Marx contra Бакунин

1. В нынешний, затянувшийся кризисный период выбора Россией нового исторического пути, изучение социальных проектов относительно будущности страны, оказавшейся в пограничной ситуации, схожей с той, что случилась в начале шестидесятых годов XIX века, вызывает теоретический и практический интерес к истории общественной мысли России. В историческом споре о государстве между М. А. Бакунином и К. Марксом безоговорочным победителем в эпоху победившего социализма был признан Маркс. Но история не стоит на месте. В короткую, но памятную *оттепель* оживает осторожный интерес к творчеству незадачливого утописта — анархиста, меняется сугубо негативное отношение к мыслителю и всемирно известному политическому деятелю. Этот сдвиг законсервировался в застойный период. В годы перестройки, в долгожданном издании сочинений Бакунина* было, наконец, признано, что антиэтатистские воззрения Бакунина, аргументы против «государственного социализма, с его авторитарными и бюрократическими методами управления, его размышления об общественном самоуправлении и многие другие до сих пор актуальны, и сохраняют свое значение. Свежий пример — недавнее (летом 2005 г.) выступление А. И. Солженицина, призвавшего ускорить строительство самоуправления — вернейшего пути к подлинной демократии — излюбленная идея Бакунина.

2. Бакунин не был академическим ученым и законченной системы я бы не стал у него искать. Он пережил сложную эволюцию

* *Пустарнаков В. Ф.* Предисловие. Бакунин как философ // Бакунин М. А. Философские сочинения и письма М., 1987.

философских взглядов от фихтеанства к гегельянству и далее к натурализму. Нельзя требовать от него и терминологической строгости простой, а не диалектической логики. По природе импровизатор, герой момента, он не был кабинетным ученым. Так, Свобода для него, главная категория его этического словаря, не является первородной. Потенциально она присуща человеческой природе, но актуализируется, только когда утвердится в человеческом сознании справедливость, солидарность братство и равенство. Борец за свободу человечества, он вряд ли мог построить строго логическую доктрину свободы, удовлетворяясь иррационально-инстинктивным инсайтом свободы, пожалуй, наиболее перспективным путем к феномену невыразимого чувства свободы. У Руссо — человек рождается свободным, между тем, он всюду в оковах. Свободы нет, но есть Освобождение — таков лозунг Бакунина.

Итак, история это путь к свободе. В этом Бакунин согласен с Гегелем, но у Гегеля всеобщая свобода воплощается в нравственной идее государства. Однако как раз от него-то Бакунин и собирается освободиться в конце, как от главного препятствия на пути к обетованному царству Свободы.

Но когда это будет? Прогресс человека — это развитие от животного состояния к развитию способности к абстрактному мышлению, где ничто животное не мешает создавать новое сознание и нового человека. Однако преодоление материалистического детерминизма, к которому Бакунин пришел от Фихте и Гегеля, превращает индивидуальную свободу в иллюзию, а Свободу как таковую в познанную необходимость. И, хоть убейте, я не могу представить, как абстрактный рационализм может избавиться от кошмара универсального детерминизма, который он сам же и создал...

Гегелю, скромному директору гимназии, это удалось... в своем кабинете после нервной работы, но непоседе Бакунину такой путь был заказан. Его космическая энергия, энергия вакуума, или, если хотите проще, — заблуждения, мгновенно пронизала все материальные трудности, и рождала несказанные пролепсисы, свойственные импровизационному характеру его мышления. Эти грезы, чем-то напоминавшие обломовские, больно ранили Бакунина при столкновении с действительностью и реальными людьми. Но он не сдавался и продолжал бороться и искать. И все же в том, что своей непрактичностью Бакунин сделался легким, удобным и даже выгодным объектом критики, особенно ученой критики, таилась возможность беспощадного реванша, что нередко

случается, когда доктринер «учит» жизни, или с дилетантом, у которого семь пятниц на неделе.

Вот *исторический пример*. Маркс против Бакунина. Они сошлись в политической деятельности по организации I Интернационала. Многие их объединяло. Утопизм глобальной цели Бакунина — достижения всеобщей свободы — столь же иррационален, что и марксов рекордный «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Но у Маркса всемирная коммунистическая революция не упраздняет государства, а предусматривает переходный период диктатуры пролетариата (впрочем, в Коммунистическом манифесте о ней ничего не сказано). У Бакунина есть предвосхищение стихийного, то есть свободного и непредсказуемого одноразового антигосударственного массового бунта-протеста, нечто подобное событиям августа 1991 г. или недавней *оранжевой революции*. Но закончилось все не упразднением государства и самоуправлением народа, а приходом к власти новых людей. В августе 1991 г. огромная партийно-государственная руководящая и направляющая сила, ум, честь и совесть нашей эпохи, в пределах СССР в одночасье приказала долго жить. И не ищите тут происков американского империализма или такую же совокую версию о тотальном подкупе всех участников оранжевой революции. В обоих случаях аппарат умер абсолютно своей смертью, как в сталинские времена отмечали редкостную удачу известного человека, комментируя некролог. А что касается бытующей до сих пор совковой версии о меркантильной подоплеке всех революций (проверено большевиками на собственном опыте), то Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» называл такое понимание социальной практики, в данном случае политической практики, «грязно-жидовским».

Бакунин не мог с того света поздравить анархистов с полной победой, поскольку после смещения госаппарата в обоих случаях все кончилось, повторяюсь, не самоуправлением народа, а приходом к власти новых людей, среди которых было немало *старых*.

Сопоставление марксистской и бакунинской теории избавления от государства и анализ их взаимной критики показывает, что марксова диктатура пролетариата, по официальным заявлениям большевиков, «стала фактом», но не привела к отмиранию государства, а только отложила его на неопределенный срок. Ленин с наивным лукавством обещал ввести пролетарское государство только на время — «мы утверждаем, что для достижения этой цели (коммунизма. — М. А.) необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплу-

ататоров (ПСС Т. 33. С. 60). Но нет ничего более постоянного, чем временные установления. И потому аргументация Бакунина против учения о диктатуре пролетариата оказывается исторически подтвержденной.

Бакунин четко обрисовывает, к чему ведет диктатура пролетариата. «Под управлением народным они (Маркс и Лассаль. — М. А.) разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избрания всем народом так называемых народных представителей правителей государства — вот последнее слово марксистов... — ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства. Ложь тем более опасная, что она является выражением мнимой народной воли». Бакунин предсказал, что народные представители быстро превращаются в самодовлеющую бюрократическую корпорацию.

Итак, временная диктатура. Но диктатура не может иметь другой цели, кроме увековеченья самой себя. Это предвидел Плеханов, который предрекал захват власти кучкой честолюбцев. На деле кучка скоро сократилась до одного честолюбца.

Диктатура может породить и воспитать в народе только рабство, считал Бакунин, точно характеризуя патерналистский характер социалистического государства. «Народ не только не должен его разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей — начальников коммунистической партии <...> Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения, создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную». В хрущевские времена это пророчество подтвердилось: образовались сельские и промышленные обкомы. И недаром в последние годы развитого социализма идеологи, виртуозы новояза, стали поговаривать о диалектике отмирания нашего государства через усиление оно. На деле это выглядело как конституционное увековечивание присутствия, роста и влияния партийного аппарата и силовых структур.

Но в шкатулке Клио был заготовлен другой свиток. Гигантский соцлевиафан исчез, как сон, как утренний туман, будто вовсе не бывало. Чисто гоголевская пропaja носа у майора Ковалева! Небывальщина? Нет. Такие случаи бывают, редко, но бывают. Деньги тут ни при чем.

Но государство-то не исчезло...

Не только политические, но и социальные идеи русского анархизма могут быть востребованы современным обществом. Спор федерализма с централизацией, антиэтатизма с этатизмом, до сих пор не разрешен адекватным образом в России. Убежденный демократ и к тому же успешный политик Т. Г. Масарик считал, что в ранней статье Бакунина, его лучшей работе, опубликованной в Ежегоднике Руге, дана образцовая модель религиозной демократии. Пренебрегать опытом и теорией анархизма не следует. Себе дороже. Нельзя все просчитать. Что там, у Клио в шкатулке-то лежит, кто знает? Никто — ни Бог, ни царь и ни герой.

